

Π РОСТРАНСТВО
ЕРЕВОДА

ИЗ ШОТЛАНДСКОЙ ПОЭЗИИ XVI–XIX вв.

Перевод
СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВСКОГО

Александр Монтгомери

Томас Каннингэм

Александр Скотт

Ричард Голл

Роберт Бернс

Роберт Фергюссон

Иаков I Стюарт

Сэмюэл Томсон

Томас Кэмпбелл

Мария Шотландская

Аллан Рамзей (Рэмси)

Александр Вильсон

Вильям Крич

Гэвин Тернбелл

Гью Эйнсли

Джордж Мак-Индоу

Из шотландской поэзии

XVI-XIX вв. (сборник)

Серия «Пространство перевода»

Аннотация

Наряду с несколькими произведениями Бернса и Фергюссона, эта книга представляет русскому читателю главным образом не известные ему прежде образцы классической шотландской словесности, создававшиеся в течение четырех столетий самыми разными авторами: от венценосных Стюартов и родовитого Монтгомери до выдающегося ученого-орнитолога, художника и талантливейшего поэта Александра Вильсона, появившегося на свет в семье неграмотного винокура.

Содержание

Александр Скотт	7
* * *	7
* * *	10
Единоборство телесное и словесное меж Виллом Адамсоном и Джонни Симом близ хутора Дрэм	12
1	12
2	12
3	13
4	13
5	14
6	14
7	15
8	15
9	16
10	17
11	17
12	18
13	18
14	19
15	19
16	20
17	20

18	21
19	21
20	22
L'envoy.	22
Мария Стюарт, королева Шотландская	24
Фотерингэй[1]	24
Александр Монтгомери	26
Из книги «Сонеты»	26
XXXVIII	26
XLVI. Имя возлюбленной	27
LI	27
LIX. К даме, облаченной в траур	28
Сонет 1	28
LX. К даме, облаченной в траур	29
Сонет 2	29
LXI. К даме, облаченной в траур	30
Сонет 3	30
LXIII. Поэт заверяет, что не им сочинена рифмованная хула на эдинбургских девиц	30
Король Иаков I Стюарт (?)	32
Празднество в Пиблзе	32
Аллан Рамзей (Рэмси)	42
Элегия на кончину Джона Купера, церковного старосты. Anno 1714	42
Постскриптум	45
Вильям Крич	46

Некоему господину, сетовавшему на то, что потерял старые карманные часы	46
Отменно тощему и телесно слабому автору, сочинившему архипустейший трактат	47
Залог блаженства	48
Роберт Фергюссон	49
Добротное сукно	49
Свежие устрицы	52
К моим ветхим порткам	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

**Из шотландской
поэзии XVI–XIX вв.
Перевод Сергея
Александровского**

Лилии Александровской: жене, другу, помощнице

Переводчик

**Александр Скотт
(1525? – 1584)**

*** * ***

Увы, люблю... Какая боль!
Отверзли грудь мою, и соль
На сердце сыплют – ох, доколь?
О Боже, впредь
Не покидай меня: дозволь
Сие стерпеть.
Не думал, что когда-нибудь

Познаю истинную суть
Любви: она – кратчайший путь
Червям во снедь.
О, что за мука, что за жуть! —
И как терпеть?
Чтоб жить, судьбину не браня,
Душе подчас нужна броня...
Везде готовы западня,
Силок и сеть!
О Боже, не покинь меня,
Дозволь стерпеть.
Яви, о Боже, мощь и власть:
Убей погибельную страсть!
Я, что ни шаг, готов упасть,
Как в ожеледь!
Любовь мою дозволь не клясть,
А лишь терпеть.
Доколь терпеньем не ослаб,
Бредешь с ухаба на ухаб —
Безвольный, жалкий, подлый раб,
Ручной медведь,
Игрушка злобных знатных баб.
Изволь терпеть...
Но стихни, мой усталый дух!
И выбирай – одно из двух:
Иль своре беспощадных шлюх
Готовим плеть —
Иль, ежели ты не потух,
Давай терпеть.

Любовь не ведает стыда,
Любви не хайте, господа:
Любовь – чистейшая слюда,
Литая медь...
И, если влюбишься – тогда
Твой срок терпеть.

О, где творец моих невзгод —
И кто? Не ты ль, подлец Эрот?
И в чем же ты сыскал, урод,
За мной вину?
Который день, который год
Тебя клянусь!
И ты, и подлый твой закон —
Чума и язва испокон!
О, ты не мальчик, ты дракон —
Притом большой.
Кто положил тебе поклон —
Рискнул душой.
Внушенные тобой мечты —
Источник лютой маеты.
О, сколько скорби, суеты,
Сердечных ран
Чинишь богам и людям ты,
Слепой тиран!
Отнюдь не клевету, не лгу!
Согнул ты род людской в дугу,
Неся и другу и врагу
Премного зла.
Бежать ли? Ох, и на бегу
Сразит стрела!
Увы, ни скромник, ни гордец

Не смогут уберечь сердец!
Стрела вонзилась – и конец:
Бедняга пал...
Ты стольким горестям отец,
Хоть очень мал!
Для нищего и короля,
Для правдолюбца и вряля,
Для слабосильного и для
Богатыря
Ты страшен, рай земной суля —
И ад творя!
Тебе отрадней всех отрад
Из нашей жизни делать ад!
Коль скоро ты подносишь яд —
Бессилен врач...
На кой ты снадобился ляд,
Скажи, палач?

Единоборство телесное и словесное меж Виллом Адамсоном и Джонни Симом близ хутора Дрэм

1

Дерзну ль воспеть борьбу и спор
За лучшую меж дев?
И ярых витязей задор
Вмещу ли в мой напев?
Сам грозный Марс отвел бы взор,
Бойцовский видя гнев, —
И лоб задумчиво потер
Тот, кем Немейский Лев
Сражен!..
Да, в Дрэме был денек!

2

Се рыцари! Какая рать,
Напав на сих двоих,
Смогла бы с ними совладать?

Свидетельствуй, мой стих:
Не стронутся такие вспять —
Коль поединщик лих,
То не отступит ни на пядь,
И к черту передых —
Дубась!
О, в Дрэме был денек!

3

При Дрэме был назначен бой —
И множество людей
Стеклось потешиться борьбой
Прославленных вождей:
По знаку, данному трубой,
Пришпорят лошадей
И копыта склонят пред собой, —
И супостат-злодей
Умрет!
О, в Дрэме был денек!

4

Один боец огромен был,
И хрупок был второй.

Но, сколь ни страшен грозный Вилл,
А Джонни Сим – герой!
Ох, силу часто ломит пыл,
Крушит ее порой!
У Вилла много больше сил,
Вилл выситя горой —
Начхать!
О, в Дрэме был денек!

5

Влечет и мужа и юнца
Взглянуть на сей турнир.
Из бочек выпито винца —
На весь крещеный мир!
Визжат гобои без конца:
Пред битвой пир – так пир!
А там – вали боец бойца,
Поболе делай дыр
Копьем!
О, в Дрэме был денек!

6

Ареной битвы станет луг.

Без шлемов и забрал
Сшибутся конники!.. Но слух
Пронесся, что украл
Их копыя некий Виллов друг,
Пьянчуга и бахвал, —
Чтоб воинский смутился дух
И больше не взыграл
Никак!
Ну, в Дрэме был денек!

7

Трубу свою герольд берет
И отдает приказ:
«На битву! С Богом – и вперед!»
Но Сим башкой потряс:
«А где копьё мое, народ?»
Народ поник тотчас,
И все воды набрали в рот,
И смолк народный глас:
Нишкни!
О, в Дрэме был денек!

8

А Джонни, верток, что юла,
Проворен, ловок, скор,
Воскликнул, прыгнув из седла:
«Того козла, что спер
Мое копьё... Убить козла!»
И Вилл добавил: «Вор!
О, сколь же ты содеял зла,
Проклятый мародер
И тать!»
Ну, в Дрэме был денек!

9

Взывали к солнцу и луне,
Клялись: убьем скота!
Но жарко стало им в броне:
Ведь полдень, духота!
Не вышло по чужой вине
Из битвы ни черта!
Угас бойцовский пыл вполне;
В утробе – пустота...
За стол!
Ну, в Дрэме был денек...

10

Глоток, другой и третий... Глядь —
Опustoшили штоф!
Грозятся татя растерзать
Без долгих лишних слов!
Такую гибель примешь, тать,
Что проклинать готов
Ты будешь собственную мать —
На тысячу ладов!
О да!
Ну, в Дрэме был денек.

11

К Дэлкиту нужно править путь,
Коль в Дрэме вышел срам!
А виски доброго глотнуть
Ни тут не грех, ни там!
Не грех икнуть, расправить грудь
И — в седла, по местам!..
Что ж, роздых дать не грех отнюдь
И ртам и животам
Теперь!
Ох, выдался денек...

12

Затеял Вильям шум и гам:
Мол, мировую пьем!
Но крикнул Сим: «Ты сущий хам!
И знаешь ведь, облом,
Что добывать прекрасных дам
Положено копьем!
Дерись! Пощады я не дам!
Убью – и поделом
Убью!»
Ох, выдался денек.

13

«Позор! – прибавил Сим, – и стыд!»
А Вилл ответил: «Чин
Убогий наш тобой забыт,
Болван меж дурачин!
Тьфу! Рыцарский приемлет вид,
И не сочтет причин
Турниром тешить весь Дэлкит
Сей продавец овчин
И смерд!»

Ох, выдался денек.

14

И здоров, и цел, и невредим
Хотел быть великан...
«Тюфяк! – воскликнул крошка Сим: —
Труслив ты, или пьян?
Я втрое меньше – поглядим,
Насколько ты, истукан,
Сильней при сшибке! А засим —
Окончен балаган,
Заткнись!»
Да, выдался денек.

15

И всяк заржал! И Вилл чуток
Поник. А Джонни взвыл:
«Твой брат – не трус, не лежебок,
И тоже – из верзил!
Деритесь рядом: ты – и Джок,
Чтоб я двоих сразил!
Все племя ваше, дайте срок,
Возьму на зубья вил! —

Ей-ей!»

Да, выдался денек.

16

И грянул рев, и прыснул смех:

«Ай, парень! Ай, палач!

Разделай труса под орех!

Эй, Адамсон, заплачь!

Тебя прикончат без помех!»

Вилл тертый был калач,

Но сник, не веря в свой успех...

Увы, пускаться вскачь

Велят!

Эх, выдался денек!

17

А Джонни в жребий верит свой,

В счастливую звезду:

О, враг получит не впервой

Заслуженную мзду!

А Вилл мотает головой

И злобно рвет узду:

Он – хоть заплачь, и хоть завой! —

Не мастер на езду
Верхом!
Ну, выдался денек!

18

Тут Сим, урчавший, точно рысь,
Прикрикнул на гурьбу:
«Эй, шире круг! Подальше – брысь!
Иль, часом, зашибу!»
И разом опустела близь
Под общую божбу:
Зеваки вовсе не рвались
До времени в гробу
Лежать.
Ох, выдался денек!

19

И лишь веселый Джок спешит
На вызов – драться рад.
Надраены клинок и щит —
Ох, черт ему не брат!
И конь его не лыком шит:
Огромный конский зад

Гремит, грохочет и трещит —
И расточает смрад
Окрест!
Ух, выдался денек!

20

Увы, уже спускалась ночь!
Отбой сыграл рожок:
Мол, вон отсюда все, и прочь!
И молвил Сим: «Дружок!
Мы завтра, коль тебе невмочь,
Вернемся на лужок —
За фермерскую драться дочь!»
«Согласен, — хмыкнул Джок: —
Идет!»
Тем кончился денек.

L'envoy.

21

А дело в том, что гнусный Вилл,
Ища себе забав,
Невесту Сима соблазнил,

Пронырлив и лукав.
И Сим, девчонке став немил,
Явил злодейский нрав!
А Вилл, показывая тыл,
Желал остаться здрав —
И плюнул
На рыцарский устав!

Ок. 1560

Мария Стюарт, королева Шотландская (1542 – 1587)

Фотерингэй¹

И кто ж я ныне? Для чего живу?
Зачем рассудок мой доселе цел?
Я, бедный призрак, бледный, словно мел,
Средь бела дня блуждаю наяву.
Враги, уймите злобную молву!
Зачем теперь высокий мне удел?
Судьба в меня пустила столько стрел,
Что, мнится, поистерла тетиву.
А вы, меня любившие друзья,
Простите: ни здоровья больше нет,
Ни сил – опорой вам не стану я.
Мечтаю лишь покинуть этот свет —
И, отстрадав покорно до конца,
Покой сыскать в обители Творца.

¹ Подлинник этого сонета, как и остальных «Сонетов из Серебряного Ларца», написан по-французски. Фотерингэй – городок в Нортгемптоншире, где Марию Стюарт, Королеву Шотландскую, судили и обезглавили. – Прим. переводчика.

Александр Монтгомери (1545 – 1598)

Из книги «Сонеты»

XXXVIII

Виню себя от головы до пят,
Виню себя – и все вокруг виню!
Виню свой алчный, похотливый взгляд,
Виню свой ум, облекшийся в броню;
Виню свой пыл, завлекший в западню,
Виню судьбу, заведшую в тупик,
Виню любовь, манившую к огню,
Виню возлюбленный жестокий лик;
Виню свой невозддержанный язык,
Виню свой молодой беспечный век,
Виню все то, чем дорожить привык,
Виню – и знаю: счастьем срок истек!
О, если б я хоть малость был умней —
Не дожил бы до беспросветных дней.

XLVI. Имя возлюбленной

Найдите, алфавита не кроя,
Инициалы милой, коль давно
Меж ними – по порядку! – только Я,
Предписанное азбукой звено.
Гадайте, где красуется оно —
Да только вряд ли попадете в цель!
Умам острейшим не было дано
Сию загадку раскусить досель.
А ежели в мозгах у вас кисель —
Не оскорбляю, Боже сохрани! —
То вы тем паче сядете на мель,
Как прочие садятся искони.
Мне кажется, у вас понурый вид...
Учите вновь, как должно, алфавит!

LI

О соловей, жилец росистых рощ,
Сколь сладок по весне твой гулкий свист!
Какие переливы, что за мощь,
Колеблющая, мнится, всякий лист!
О, сколь ты несказанно голосист!
Ликуй же, заглушай мой скорбный всхлип...

Увы! Тебе, мечтательный солист,
Вот-вот вонзится в грудь терновый шип.
О, ты отнюдь не смолк, и не охрип,
Хотя судьба добра к тебе едва ль...
Я сам попался, точно кур в ощи́п —
Но все ж осилю боль, уйму печаль:
С тебя возьму пример, певец лесной,
О радости роко́чущий весной!

LIX. К даме, облаченной в траур

Сонет 1

Елена! Твой лукавый, жгучий взор,
Без промаха разивший наповал,
Мужчинам столько горя причинял!
Влюблялся всяк – и получал отпор.
И вот Эрот умерил твой задор.
Дабы вотще не гибли стар и мал,
Он молвил: «Недотрога, кончен бал!» —
И в траурный тебя одел убор.
Но – втуне! Вновь и вновь со всех сторон
К тебе течет влюбленных легион,
Хотя в очах твоих задор погас:
Там нынче Смерть, и мысль о Смерти – но
Мы в них умильно смотрим все равно —

И лишь верней разишь ты насмерть нас.

LX. К даме, облаченной в траур

Сонет 2

Ох, был бы у меня смертельный враг —
Недолго я придумывал бы месть!
Пускай врагу досталось бы прочесть
Безжалостный отказ в твоих очах.
И враз мой враг поник бы и зачах —
И никогда не смог бы вновь расцвести!
Никчемна пред тобой любая лесть,
И шаг к тебе – к отчаянию шаг.
Горгона – говорит античный миф —
Окаменила, веки растворив,
Не одного героя-молодца.
Но твой куда губительнее взгляд:
Он разом повергает в огонь и хлад
Окаменеть не властные сердца...

LXI. К даме, облаченной в траур

Сонет 3

Чего желать? Какой в желаньях прок?
Желать ли груды золотых монет?
Иль жемчугов? Но я не алчен, нет...
Родиться вновь пускай наступит срок!
С тобою вместе пусть бы я возмог
Опять родиться через много лет —
Людьми! С тобою вместе, о мой свет,
Мы сладили бы парусный челнок.
И с утренней зари до первых звезд
По тихим водам заповедных рек
Мы странствовали бы в грядущий век.
Нам пели бы малиновка и дрозд...
И ночью, в благодатной тишине,
Мы были бы с тобой наедине.

**LXIII. Поэт заверяет, что не
им сочинена рифмованная
хула на эдинбургских девиц**

Кто у змеи заимствовал язык?
Чья зависть излила зловонный яд?
Какой безмозглый, беспардонный бык
Бодать безвинных, безупречных рад?
Тебе, как видно, дьявол – друг и брат!
Ужели он вручил тебе стило?
Скотина! Ты гнуснее во сто крат
Всех извергов, что возлюбили зло!
О, ты горазд на мерзости зело —
Но позабыл о неизбежной мзде!
Ужо заткну клинком тебе хайло —
Лишь извести: когда сойтись, и где!
Ты нежных дев порочил, стихоблуд,
А мне – страдать за твой паскудный труд?

Король Иаков I Стюарт (?) (1566 – 1625)

Празднество в Пиблзе

Приходит первый майский день —
И в Пиблз течет народ
Из городков и деревень
Резвиться, что ни год.
Одежду новую надень —
И, с песнею, – вперед!
Плясать не лень, и петь не лень —
И выпить в свой черед!
Весь Пиблз
Гремит, гудит, поет!
Все девки, вставшие чем свет, —
Пораньше петуха! —
Кричат, хлопочут – спасу нет.
«Хи-хи! – визжат, – ха-ха!».
Там чистят брошку и браслет,
Здесь гладят вороха
Одежек... Суета сует!
И вздор, и чепуха,
И чушь...

А Пиблз гудит, поет!
Вот Мэг, царевна местных краль,
Оделась в тюль и газ.
Дружок-поклонник молит: «Шаль
Накинь! Продрогнешь враз!
Ты хоть поела? Ох, едва ль...»
Но был недолгим сказ —
Рыкнула Мэг: «Твоя ль печаль?
Утихни, свинопас! —
Ша!
Уж Пиблз гудит, поет!»
Сказала Мэг, умерив жар:
«Ох, я лицом черна...
Проклятый летошний загар! —
И всхлипнула она:
— Богач любой, и млад и стар,
Процедит: “Грош цена
Вам, обитателям хибар!
Где щечек белизна?”
Увы!
А Пиблз гудит, поет!»
Здесь жители окрестных мест,
Крестьяне и купцы —
Галдят, снуют, едят и пьют
Шотландцы-удальцы.
Гуляет люд. Волынки гуд,
И дряхлой скрипки визг...
Ликует всяк — но забияк
Немало, пьяных вдрызг —

Ой-ой!

Что ж, Пиблз гудит, поет!

Любовной жаждущий игры,

Шныряет баловник.

Он из березовой коры

Себе сварганил шлык,

И девушек зовет: «Со мной

Пойдемте напрямик

В соседний бор – и под сосной...»

О, сколь же груб язык

Хмельной!

А Пиблз гудит, поет!

Он обнял сразу двух девиц.

Одна вскричала: «Брось!

И грубиянов, и тупиц

Я вижу враз – насквозь!»

Другая хмыкнула: «Дикарь!

Пойдем: не съешь, авось.

Досадно: ловится пескарь,

Да не клюет лосось.

Тьфу!»

А Пиблз гудит, поет!

Тут первая, задрав подол,

Явила голый зад:

Получше сыщем парня, мол!

Глядь! Вот он: весел, млад,

Красив, как бог, могуч, как вол, —

Не парень, суший клад! —

И разом весь квартет побрел

Слоняться наугад:
Гульнем!
А Пиблз гудит, поет!
Они шагали вчетвером
До городских ворот;
Хлебали джин, хлестали ром —
И тешился народ:
«Ой, дуры-девки! Не добром
Вы кончите вот-вот!
А после — стыд вам и сором! —
Надуется живот,
Как тыква!»
Ух, Пиблз гудит, орет!
Смекнули девки, что верней
Отправиться в трактир
Ближайший, и за счет парней
Себе устроить пир —
Поесть, попить и поплясать
Подале от задир.
«Кабатчица! Родная мать!
Скорей вино и сыр
Тащи!»
Весь Пиблз гудит, поет!
Кривятся девки: «Экий чад!
Какая грязь и вонь!»
Им завсегдатаи кричат:
«Хлебало засупонь!»
А парни рады: сунешь грош
Хозяюшке в ладонь —

И вволю пьешь, и жрешь, и ржешь,
Как очумелый конь!

Приволье...

Ух, Пиблз гудит, орет!

Наклюкались. Ведут подсчет:

«Пол-шиллинга...» – «Шалишь!»

– «Два шиллинга...» – «Заткни свой рот!»

– «Уймись! Умолкни! Кыш!»

– «Ты гнусный мот!» – «Зато не жмот...»

– «Пол-шиллинга? Нет, шиш!

Убью! Ты крепкий обормот —

Я тоже не малыш!

Заткнись!»

Ох, Пиблз гудит, орет!

«Осел! Несмысленная тварь!»

– «А ты болван! Щенок!»

– «Ударю, сволочь!» – «Так ударь!»

И вот – сверкнул клинок.

Народ смутился: «Что за блажь?

Какой в раздоре прок?

Ты наш кабак, дружок, уважь,

И поостынь чуток —

Уймись!»

А Пиблз гудит, поет!

Покуда кровь не пролилась —

Подъем! – и вон! – и в путь!

Но Гильберт рухнул прямо в грязь —

И вздумал прикорнуть.

В грязи – покой, в грязи – уют!

И храп раздался вмиг.
А близ пивной вовсю блюют
Штук тридцать забулдыг:
Лафа!..
Что ж, Пиблз гудит, орет.
Рыботорговец молвит зло:
«Уйму их руготню!»
Сам пьян зело, берет седло
И к своему коню
Спешит, свиреп, как людоед:
«Ужо их разгоню!»
Жена бежит ему вослед,
Честит его родню
И предков.
А Пиблз гудит, поет!
«В атаку поскачу верхом!
Подтянем стремяна...»
— «Ступай домой, треклятый хам! —
Орет в ответ жена:
— Домой, злопакостный лошак!
Домой, безмозглый мул!»
Подпруга лопнула. Дурак
Лишь пятками взбрыкнул,
Упав.
А Пиблз гудит, поет!
«Не лезь в седло! Ты пьян зело!
Вставай же, остолоп!
Вставай, немытое мурло,
Вставай, дубовый лоб!»

Торговец гаркнул: «Прочь! Убью...»

– «Ах, чтоб тебя и чтоб!..

Не суйся в драку, мать твою,

Задиристый холоп! —

Цыц!»

А Пиблз гудит, поет!

Жена бушует: «Ишь, герой,

Искатель пьяных ссор!

Эк, рыцарь! Дуй тебя горой,

Болван и бузотер!

В седло, скотина, прыгать лих —

Да сваливаться скор!

А ну, домой!» – Торгаш притих,

И смолк семейный спор.

А Пиблз

Гудит, гремит, орет!

Умен был тот, кто, выпив, дрых:

Во избежанье драк

В колодки сразу семерых

Забили забияк.

И Джон, заплечных мастер дел,

Каравший бедолаг,

С улыбкой радостной вертел

Толстеннейший рычаг

Колодок.

А Пиблз гудит, поет!..

Вот Вилли, мельник молодой.

Какой у парня бас!

«Волынщик – жарь, волынщик – дуй!

Пора пускаться в пляс!
Потешь задорною дудой
На славу нынче нас!»
И Вилли черной бородой
Внушительно потряс:
«А ну!»
А Пиблз гудит, поет!
И все отправились гуртом
На загородный луг:
Сперва спляши – и спой потом,
Коль на ухо не туг!
О, сколь забав, и сколь утех
У горожан с утра!
Не гаснет гам, не молкнет смех —
Но, право, знать пора
И честь...
А Пиблз гудит, поет!
Вовсю клокочет кутерьма —
И всем она мила!
Глянь: Тибби к мельнику сама
Игриво подошла:
«Стоймя сплясали – что ж, теперь
И лежа спляшем – во!
Мой дом – вон там; открыта дверь,
А дома – никого,
Ей-ей!»
Что ж, Пиблз гудит, поет!
Волынщик молвит: «Задарма
Играю – срам и грех!

Прямой убыток! Тьфу! Чума
На вас, пройдох, на всех!
Гоните пенса полтора —
Иль прохудится мех:
В нем обнаружится дыра
Величиной с орех —
Клянусь!»

А Пиблз гудит, поет!
Но вот веселье улеглось,
Утихли шум и гам...
Негоже парню с девкой врозь
Пускаться по домам!
Алисе прошептал Уот,
Бесхитростен и прям:
«Пойдем – всю ночь напролет
Очей сомкнуть не дам,
Голубка!»

Уже стихает Пиблз.
Шипит Алиса: «Прочь пошел!
Нет: харя, точно блин, —
А похотлив-то, как козел,
Спесив, что твой павлин!
Ты гол, мерзавец, как сокол!
Скотина, сукин сын!
Да ты...» И загремел глагол,
Обидный для мужчин —
Фу!

Но умолкает Пиблз.
Давно истлел уже закат,

Уже сгустилась ночь —
И всяк уgomониться рад,
И всяк уснуть непрочь.
Но будет нам гулять не лeнь,
Когда минует год —
И с шумом, в первый майский день,
Стечeтся в Пиблз народ.

Аллан Рамзей (Рэмси)

(1686 – 1758)

Элегия на кончину Джона Купера, церковного старосты. Anno 1714

Гудит молва, несется слух:
Джон испустил зловонный дух!
Он кукарекал, как петух, —
И вот-те на:
Ему, грозе окрестных шлюх,
Пришла хана!
По-своему он был хорош —
Да въедлив, точно клоп иль вошь:
Он за распутство иль дебош
Взимал сполна:
Вынь да положь последний грош,
Не то – хана!
Как волк нещаден, туп как вол,
На шлюх сей муж охоту вел!
И помирал отнюдь не гол:
Его мошна
Вмещала не один обол!
И вот – хана...

И неказист, и невелик
Был приснопамятный старик —
Но, видя сей суровый лик,
Сам сатана,
Я мыслю, обмер бы и сник,
Решив: «Хана...»
Куда убрался? В рай, иль в ад?
Но, право, не придет назад.
И родственник, поживе рад,
Готов хватать
Наследство — долгожданный клад, —
Как подлый тать!
Фи, Смерть! Зачем тобой ведом
Бедняга Джон в дубовый дом?
Гасил он — с тягостным трудом! —
Раздор и свару,
Смирят разгул, сметал содом,
Пророчил кару!
Безжалостно врывался Джон
Во всяк бордель, во всяк притон —
И грешных перечень имен
В башке хранил.
Презренных шлюх повинный стон
Был Джону мил!
Порою шпагу иль кинжал
Хмельной распутник обнажал —
Но Джон в узде врага держал,
Немилосерд! —
О, перед старостой дрожал

И смерд, и лэрд!
А протрезвеет сукин кот —
И к Джону каяться идет:
Мол, я обидел вас — и вот,
Воздам стократ...
И взятку старосте кладет,
Кляня разврат.
Но девок — весь дневной улов! —
Джон отсылал без долгих слов
Под сумрачный тюремный кров:
Мол, посиди!
Стоял всеместно вой и рев:
Мол, пощади!
А нынче в городе у нас —
Гульба, попойка, перепляс:
Во всякий день, во всякий час
Мы пьем до дна!
Джон Купер гигнулся, угас,
Ему — хана!
О Смерть! Ужель твоя коса
Взнесла мерзавца в Небеса —
Двуногого цепного пса,
Царя пройдох?..
Но верю, верю в чудеса:
Джон Купер сдох!

Постскрипtum

Во страхе закрываю рот:
Из-под земли покойник ход
Наружу вырыл, точно крот!
Везде гласят:
Видал покойника народ
Раз пятьдесят!
Неугомонный царь пролаз
Гнусит, червив и черномаз:
«Простите, ибо грешен аз...»
О, как наружу
Прополз мертвец? Увидишь – враз
Напустишь лужу!
Но мир усопшему, не меч!
Чтоб не было подобных встреч,
Священник да услышит речь
Бедняги Джона
И молвит: «Сын мой! Время лечь
В земное лоно!»

Вильям Крич (1745 – 1815)

Некому господину, сетовавшему на то, что потерял старые карманные часы

К чему же огорченный вид?
Зачем же раздражаться тут?
Не сетуй: время прочь летит —
Часы, как должно, прочь бегут.

Отменно тощему и телесно слабому автору, сочинившему архипустейший трактат

Где же, где он, источник моих вдохновений? —
И талант удивляется часто, и гений.
Ты же в собственном облике черпаешь мощь:
Твой никчемный трактат и бессилен, и тощ.

Залог блаженства

Пройди, пересеки весь круг земной
Вослед за ветром вольным, иль волной —
О! Все под солнцем здешним суета!
В конце пути – могильная плита.
Гляди: алтынник деньги бережет,
И родиной торгует патриот;
И всяк чиновник истовый готов
Пасть жертвой государственных трудов!
В прекраснейшем фиале – страшный яд:
Иной влюбленный удавиться рад!
Иных манит научная стезя —
Да ничего на ней познать нельзя.
О, где оно, блаженство, смертный, где?
Наш мир земной с блаженством во вражде!
Ты в Небеса лазурные гляди —
Блаженство – там, блаженство – впереди!
Твой ум и дух от бедствий и тревог
Лишь Бог избавит. Помни: только Бог!

Роберт Фергюссон (1750 – 1774)

Добротное сукно

Коль ты пополнить был бы рад
Людей великих долгий ряд,
За ум и труд не жди наград —
Секрет в ином:
Добротнейшим живот и зад
Одень сукном!
О, ежели купил отрез
Добротный, и в обновку влез,
То вымахашь до небес —
Пускай ты гном:
Добротным даден рост – и вес! —
Тебе сукном.
В кафтане из дешевой ткани
Ты – ровня распоследней рвани,
Предмет насмешек – или брани, —
А чья вина?
Не зря гогочут горожане:
«Купи сукна!»
Развязный брадобрей в субботу

Кончает поскорей работу:
Трудился до седьмого поту
Цирюльник, – но
Рядиться время обормоту
Пришло в сукно!
Гляди: грядет он, – прям и горд,
Как родовитый, славный лорд,
Чужих вовек не бривший морд, —
Отколь сей форс?
В сукно оделся юркий черт —
Добротный ворс!
В одежке бедной не моги
К девицам направлять шаги —
Напрасно стопчешь сапоги!
Пуста мошна?
Влезай хоть по уши в долги —
Купи сукна!
Коль скоро твой истерт камзол —
Девичий голос груб и зол,
И дева цедит: «Хам! Осел!»
Шипит она:
«Ишь, воздыхатель, – нищ и гол!
Купи сукна!»
В сукно одевшись, тот же час
Предстанет принцем свинопас,
И богословом – лоботряс.
Мораль ясна:
Будь кем захочешь, коль припас
Кусок сукна!

Родиться Ньютоном, Шекспиром —
И позволять в кафтане дырам
Зиять – беда: ничьим кумиром
Не стать – хана!
Да, всем тебя освищут миром...
Купи сукна.

Свежие устрицы

*Счастливцев, кто избавлен от забот,
Чей шелковый иль кожаный кошель
Не пуст, – и можно пить холодный эль,
И не грустить при виде свежих устриц.*
Филлипс

Где б ни качал соленый вал
Рыбачью шхуну либо ял,
Где б ни влачил добычу трал
Иль перемет, —
Никто шотландских не знавал
Богаче вод.
Тунца, и сельди, и трески
В них изобильны косяки;
Угри отменно велики, —
А уж макрели!
И устриц лакомых садки —
На всякой мели.
Ликуй, береговой народ,
Поскольку осень – у ворот,
И Посейдон в столицу шлет
Шотландцам дань, —
И устриц полон всякий рот,
Куда ни глянь.
Теперь никто из обедал

Не внемлет лекарю: бахвал,
Ты, видно, публику считал
Безмозглой дурой?
Разбейся вдребезги фиал
С твоей микстурой!
Сюда, понурый хворый люд,
Тут свежих устриц подают!
Они врачуют в пять минут —
Любой порой! —
Зубную боль, мигрень, и зуд,
И геморрой!
Пропойца, гей! Тряхни копилкой!
Ты, обессиленный бутылкой,
Цепляй-ка свежих устриц вилкой
На радость глотке —
И не страдай от страсти пылкой
К вину и водке!
Когда гремит над головой,
И хлещет влагой дождевой,
Когда вздымается прибой,
И ветер свеж,
Займи в трактире столик свой —
И устриц ешь!
Когда купцу в урочный час
Придет пора замкнуть лабаз,
Вечерний звон торопит нас,
Манит в кабак,
Дабы во устричном погряз
Обжорстве всяк.

Бывало, меркнет Феб в окне,
А я блаженствую вполне,
Взыскупя истины в вине
Пред очагом...
Родным гнездом казался мне
Питейный дом.
Коль у глупца полно монет,
Глупец являет приверед,
И жрет изысканный паштет
С довольной миной;
А ты ешь устриц на обед —
И суп куриный.
И в Новой Гавани кутеж,
И в Устричном Поселке тож:
Сидит попарно молодежь
В любом трактире —
И устриц отворяет нож
Крупнейших в мире!
О, здешний люд весьма неглуп
(Хоть неучтив подчас и груб,
И сдачу пробует на зуб!) —
Он хлещет виски
И устричный хлебает суп
Из полной миски!
И если пива льются реки,
Глотайте устриц, человеки,
Дабы не тяжелели веки!
И — шиллинг на кон,
Что вас не перепьют вовеки

Ни поп, ни дьякон!

К моим ветхим порткам

Ступайте прочь... Прощайте, – хоть
Вы знатно грели кровь и плоть
Мою – прощайте... Мы, бедняги —
Певцы, маратели бумаги, —
Таскаем рвань, доколе вслед
Не засвистит шутник сосед,
Покуда с горем пополам
Заплаты сокрывают срам,
Покуда стужа сквозь прорехи
Не донимает без помехи.
Не так ли чахнувший больной
Не поспешает в мир иной
И бочками лекарства пьет —
Авось, протянет лишний год?
Но, как спастись ни горазд, —
А все едино, дуба даст.
Мне внятен ваш немой упрек;
Отлично помню, кто берег
И защищал мой бедный зад
В мороз и выюгу, в дождь и град.
Увы! – неблагодарны барды,
И вылететь в окно мансарды
Моим порткам пришла пора:
Ни золота, ни серебра
Не вверишь столь худым карманам

В отрепье, столь безбожно драном.
А ежели в кармане грош,
Иль вовсе на аркане вошь
(Поэты нищи искони) —
Терять последнее? Ни-ни!
Портки! таков уж белый свет, —
И вам ли горше всех? О нет:
Мы любим друга, если тот
Поит вином и в долг дает;
А деньги у него иссякли —
И вышел дружбе срок. Не так ли?
Но, если человек не шваль,
Ему друзей злосчастных жаль, —
И мне вас жаль. Надевши вас,
Я подымался на Парнас!
Но мыслит Муза, что во вред
Нам изобилие монет, —
А мы без них угрюмы, злобны,
Понуры, неблагоутробны:
Коль скоро нет житейских благ,
То в каждом ближнем зрится враг.
Видали вы, как мой бокал
В руке недрогнувшей сверкал,
И лик мой счастлив был и свеж —
И сколь светло мечталось прежь!
Мечты погибли – все подряд,
Как маргаритки в зимний хлад...
Эх, нет умелого портняжки,
А поврежденья ваши тяжки!

Вы долгие служили годы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.